

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1:271.2:32
doi 10.17072/2073-6681-2022-1-109-119

Русские классики о православной империи как идеальной для России форме государственного устройства

Валерия Геннадьевна Андреева

д. филол. н., ведущий научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а. lanfra87@mail.ru

SPIN-код: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Статья поступила в редакцию 30.01.2022

Одобрена после рецензирования 14.02.2022

Принята к публикации 10.03.2022

Информация для цитирования

Андреева В. Г. Русские классики о православной империи как идеальной для России форме государственного устройства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 109–119. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-109-119

Аннотация. В статье анализируются взгляды русских классиков на православную империю, доказывается характерное для них глубинное понимание термина «государственность». Большое внимание автором статьи уделяется проблеме гармоничного соотношения закона и милосердия, отмечается, что в России к государю относились как к высшему на земле судье, имеющему возможность поступать не по закону, а по особой милости. Приводится взгляд современных юристов на принцип милосердия в российском праве, отмечается, что отсутствие его законодательной закреплённости позволяет сохранить в нынешней России пропорции между юридическим оформлением норм и существующими наряду с ними православными заветами и святыми преданиями. Констатируется неточное понимание литературоведами взглядов многих писателей-классиков на фигуру императора. Отмечается, что в науке не опровергнуты полностью представления об А. С. Пушкине как противнике самодержавия и стороннике демократических свобод или Н. А. Некрасове как революционно настроенном поэте, обозначенные исследователями в советское время. Сопоставление художественного творчества и публицистики Л. Н. Толстого позволило показать двойственное отношение писателя к высшей власти. Однако осуждается Толстым не столько организация властных структур, сколько произвол, поддерживаемый на местах людьми, не справляющимися со своими обязанностями и отягченными пороками. С образом императора в художественных мирах Толстого связывается мысль о единственной возможности исправления несправедливостей, допущенных на государственном уровне. На ряде примеров в статье доказывается, что при глубоком видении проблем общественной жизни, недоработок и просчетов чиновников различных уровней, наши классики осознавали ценность единой сильной централизованной власти государя.

Ключевые слова: русская классика; православная империя; монархия; самодержавие; народ; гражданская позиция; государь; милосердие; закон; власть.

Русская классическая литература не была для читателей только сферой эстетических наслаждений: во-первых, наши классики не уходили

от жизни в абстрактные миры; во-вторых, благодаря специфике развития общественной мысли в России литература в XIX в. стала ареной для об-

суждения многих политических моментов, именно в литературе шла дискуссия о роли гражданина и народа в судьбе страны; в-третьих, русская классика брала на себя обязанность проверки пути, предлагаемого для страны, она не просто выполняла воспитательную функцию, но препятствовала развитию правового нигилизма и правовой апатии, что было важно в связи с длительным периодом реформ, проводившихся правительством во второй половине XIX в. Русская литература особое внимание уделяла *проблеме государственности*, причем на протяжении всего XIX в. велась борьба за имперскую мысль.

В данной статье анализируются взгляды русских классиков XIX в. на лучшую, по их мнению, форму государственного устройства, возможного для России, – православную империю. Цель исследования состоит в иллюстрации сходства воззрений большинства писателей на характерные для нашей страны основы самодержавия, обусловленные историей развития России, национальными особенностями, силой и авторитетом православной веры. В силу ограниченного объема работы внимание уделяется позиции лишь некоторых классиков – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Доказывается, что несмотря на приверженность к различным общественным движениям, сложные и целостные системы взглядов, писатели видели Россию во главе с представителем единой сильной централизованной власти – человеком, подготовленным к управлению страной как к особой миссии, ответ за которую придется держать перед всем народом, а прежде всего – перед Богом. Последовательно обращаясь к отдельным произведениям указанных классиков, автор статьи в первую очередь поднимает проблему сочетания законности и милосердия, реализованную в художественных мирах и не утратившую актуальности и в современном праве.

Для наших писателей было характерно глубинное понимание самого термина «государственность» во всех его значениях, которые констатируют современные исследователи; государственность осмыслялась и в рамках системно-структурного подхода, как состоящая из определенных слагаемых – власти и системы государственных органов, права, народа, территории, и в рамках исторического подхода с выявлением особенного пути становления и эволюции России [Андреева 2011: 80–81]. Аналитическое изучение русских романов XIX в. открывает ключевое значение мотива власти, образа земли и народа в осмыслении писателями положения в обществе и государстве [Андреева 2020].

Не случайно у Пушкина, Гоголя и некоторых мыслящих критиков первой половины XIX в. образ литератора связывался с возможностью представления проблем народного бытия. Народ находился в фактически безгласном состоянии, ему требовался выразитель общественного мнения, своеобразный «трибун». С. П. Шевырев в своей диссертации отметил, что «поэт есть апофеоза народа...» (Шевырев 1834: 391). Во второй половине XIX в. ситуация начинает меняться, причем значительное влияние на литературу оказали эксперименты натуральной школы, борьба западников и славянофилов, революционно-демократическая критика. В пореформенное время в художественных мирах классиков появляются герои из народа и собственно народные точки зрения, позиции, голоса. Стоит сравнить хотя бы ранние романы И. С. Тургенева с главными героями-аристократами и его последний роман «Новь» (1877), где представлены не просто отдельные и яркие народные характеры (Соломин, его помощники на фабрике), но единый собирательный образ народного мира.

Как отметил И. Л. Солоневич, «самая основная идея русской монархии ярче и короче всего выражена А. С. Пушкиным уже почти перед концом его жизни: “Должен быть один человек, стоящий выше всего, выше даже закона”. В этой формулировке “один человек”, Человек с какой-то очень большой буквы, ставится выше закона. Эта формулировка совершенно неприемлема для римско-европейского склада мышления, для которого закон есть все: *dura lex, sed lex*. Русский склад мышления ставит человека, человечность, душу выше закона, и закону отводит только то место, какое ему и надлежит занимать: место правил уличного движения. Конечно, с соответствующими карами за езду с левой стороны» (Солоневич 2010: 107).

По замечанию ученых-юристов, Россия совмещает в себе черты президентской и суперпрезидентской республик [Навальный, Александрова 2020: 101], в руках президента в нашей стране сосредоточены очень большие полномочия, огромная политическая, военная, экономическая власть. Как отмечает Д. А. Авдеев, «централизация и единство властных полномочий и прерогатив главы государства остаются значимыми постулатами в организации российской государственной власти» [Авдеев 2016: 27]. Такая ситуация вкупе с осмыслением сохранения Россией ее главных национальных духовных ценностей позволяет провести параллели между государем Российской империи, совокупностью его обязанностей и ответственности перед народом, и современным главой государства.

Рассуждая об идеале народной монархии, Ю. В. Лебедев отмечает, что на западе юридическая власть обеспечивала покорение поработанных народов, а в России геноцида завоеванных племен не было: «Гражданские права и обязанности, общественные, личные и семейные отношения не нуждались у нас в неперемennom юридическом оформлении. “Святость предания” всегда предпочиталась на Руси законодательным формальностям, нормы обычного права были у нас жизнеспособнее, чем на Западе» [Лебедев 2020: 11]. Но появление гражданского общества требовало особых юридических форм, развития законодательной базы. Пройдя уникальный путь развития, Россия сочетала закон и благодать, гармоничному соединению которых содействовало сохранение православной империи.

Многие заветы и указания русских классиков не были верно прочитаны и осмыслены: русская литература первого ряда сложна для понимания и в отдельной своей части элитарна. В советскую эпоху были выдвинуты абсурдные трактовки идей русской литературы, одними из первых были запрещены любые рассуждения об имперском духе: некоторые произведения (антинигилистические романы, великосветские романы и т.п.) были признаны недостойными внимания читателей, другие (творчество русских классиков первого ряда) истолкованы в абсолютно не собственном им ключе.

На протяжении всего периода советской власти Пушкина рассматривали как противника самодержавия. И сейчас поэта часто считают сторонником демократических свобод. Анализируя оду «Вольность» (1817) Пушкина, юрист К. В. Алексеев подводит мнения поэта под желаемый им вариант: «Прилагательное “самовластный” в данном случае не оставляет сомнений в отношении А. С. Пушкина к неограниченной власти царя. Поэт не просто не признает такую форму правления, он испытывает к ней ненависть, ведь она предполагает деспотию, а на троне всегда может оказаться человек крайне безнравственный» [Алексеев 2017: 11]. Перед нами пример абстрактного рассуждения о монархической форме правления, но в православной империи такого быть не могло. Православный царь ни в силу происхождения, ни в силу воспитания не мог быть человеком безнравственным, его восприятие как справедливого и милосердного отца и наставника лежало в основе народного взгляда и, конечно, видения поэта.

Когда В. Е. Вальденберг замечает, что Пушкин восстает «против абсолютизации верховной власти – все равно будет ли она в руках царя или в руках народа», «отвергает неогра-

ниченность власти и требует ее ограничения законом» [Вальденберг 2015: 130], становится ясно, что к непониманию Пушкина приводит различие законов государственных и евангельских. Государственный закон не мог быть выше императора, значимее царя лишь Закон Божий, который и дает ему возможность поступать не по закону, а по благодати, проявлять особую христианскую милость там, где это необходимо. Не случайно Пушкин в историческом аспекте указывает на «законов гибельный позор», «неволи немощные слезы» (Пушкин 1977–1979, т. 1: 283) – здесь идет речь о законах человеческих, причем законах неудачных, которые и должен исправлять государь и вся система государственного управления. Но есть в оде и упоминания о высших Законах (не случайно поэт пишет эту лексему с прописной буквы), а в финале произведения Пушкин призывает царей показать пример подданным в поклонении божественному правосудию:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой (там же: 287).

В творчестве Пушкина не раз возникает проблема великодушия и милосердия государя. Примечателен его «Воображаемый разговор с Александром I» (1824–1825). Почти сказочным началом «Когда б я был царь...» Пушкин добивался отнюдь не указания на свою высоту или возможность при определенных условиях (теоретически) занимать руководящие должности в государстве, и отнюдь не хотел показать подчиненность царя общим законам. Это перенесение себя на место царя, а также придумывание реплик для государя иллюстрирует мировоззренческую близость поэта (народного заступника) к царю. Раскрывается она и благодаря пониманию государем оды «Свобода» (то есть оды «Вольность»). Значим в финале диалога вопрос: «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?» (Пушкин 1977–1979, т. 8: 52), который подтверждает указанное качество как одно из обязательных для императора.

Проблеме гармоничного соотношения закона и милосердия в монархическом государстве посвящена пушкинская поэма «Анджело» (1833), которую поэт ставил выше многих своих произведений, считая ее незамеченной и недооцененной. По всей видимости, воплощение в поэме главной для государства и будущего России проблемы справедливого, но милосердного правителя как раз и выдвигало ее для поэта в разряд *важнейших среди всех собственных произведений*. Пушкин показывает, что происходит в государстве при утрате строгой законности и порядка:

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный,
Хотел восстановить порядок упущенный;

Но как? Зло явное, терпимое давно,

Молчанием суда уже дозволено... (Пушкин 1977–1979, т. 4: 252).

Мастерски описывая характеры Дука, Анджело, Изабелы, Пушкин неоднократно возвращает читателя к мотивам суда и милосердия:

«Будь милостив»; «Нет, нет! будь милостив»,
– не раз просит Анджело Изабела (там же: 257).

Но дева скромная и жарче и смелей

Была час от часу. «Подумай, – говорила, –

Подумай, если тот, чья праведная сила

Прощает и целит, судил бы грешных нас

Без милосердия; скажи: что было б с нами?
(там же: 256).

Пушкин подробно описывает странность и несправедливость наказания, чтобы дать место проявлению милосердия. «Милосердие, необходимость которого отстаивают пушкинские герои, ... заключается не в самих законах как в силе, по Пушкину, безличной и потому слепой, а в человеке, способном смягчать их несправедливость, идущую от сложности жизни, которой подчас не соответствует универсальность юридических установлений», – отмечает С. А. Кибальник [Кибальник 2018: 33]. Одновременно Пушкин ставит перед обществом вопрос о роли монарха и его главных качествах, не противопоставляемых закону, но преобразующих человеческий закон.

Глубинное понимание классиками национальных основ русской государственности подтверждают многие современные ученые-юристы, рассуждающие о значимости милосердия: «Надлежит помнить, что значимость принципа милосердия в правовой сфере России определяется и глубокими религиозно-церковными корнями» [Беденков, Тыщенко 2020: 36]. А ведь именно о милосердии как важнейшей основе российской государственности (при существовании системы законов) писал Пушкин, а за ним Гоголь, Островский, Писемский, Достоевский, Толстой и другие наши классики.

В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) Пушкин обозначает проблему ограничения самодержавия и выражает достаточно резкое к ней отношение: после Петра I аристократия «неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян» (Пушкин 1977–1979, т. 8: 90). Пушкин прекрасно показал, что в тех исторических условиях ограничение власти ца-

ря покоячнulo или нарушило бы бывший в России баланс, привело к утрате основ русской народности.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) Гоголь высоко оценивает отношение Пушкина к царю, выражая при этом и собственное видение основ государственности. «Зачем нужно, – говорил он, – чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти» (Гоголь 1952: 253). Перед нами попытка определения закона в «механизме правового регулирования», речь идет о несовершенстве последнего. Эта ситуация проецируется и на современность, но в XIX в. она было связана, скорее всего, с определением законов и указов, с выявлением рамок их содержательных сторон.

Н. В. Гоголь, рассуждая о неразрывной связи законов Церкви и государственных законов, трактовал идеальную для России форму правления фактически как теократическое государство, однако при этом писатель очень глубоко и осознанно относился к законодательной деятельности своей страны, к идее служения каждого гражданина своему государству и народу, хотя это не мешало ему видеть происходящие несправедливости. И. А. Виноградов точно обозначает «исторические обличительные экскурсы Гоголя в адрес “тиранов” и “тиранства”», не колебавшие монархических убеждений писателя [Виноградов 2019: 71]. Известно, что Гоголь очень высоко оценивал силу художественного слова, которое, по его мнению, первостепенно по отношению ко всем законодателям – об этом он говорит в «Выбранных местах из переписки с друзьями», упоминая про «Одиссею» Гомера: «...всякая малейшая черта в “Одиссее” говорит о внутреннем желании поэта всех поэтов оставить древнему человеку живую и полную книгу законодательства в то время, когда еще не было ни законодателей, ни учредителей порядков...» (Гоголь 1952: 240).

В художественных мирах М. Ю. Лермонтова проблема государственности отступает на второй план – автора больше волновали вечные вопросы, для его творчества характерен мотив освобождения от земного бремени. И. А. Есаулов отметил, что в произведениях Лермонтова Закону противопоставляется Благодать «как категория сверхзаконная, а потому и словно бы “отменяющая” все правовые (“законнические”) отношения» [Есаулов 2014: 8]. Исследователь констати-

рует, что у Лермонтова мы не найдем критики русской действительности, описания того, как должно и не должно, поскольку «того, что взыскует Лермонтов, как и ряд его героев, невозможно достичь не только в России либо в любой другой стране, но и вообще на земле» [там же: 9].

Вместе с тем вопросы законности в произведениях Лермонтова ставятся, поскольку его герои вынуждены находиться в обществе. Вопрос о законе и его нарушении поднимается в «Песне про Царя Ивана Васильевича...» (1837), где царская воля осмысливается как единственно верная: милостью в финале произведения называется «почетная» казнь Калашникова. А герой драмы «Маскарад» (1835), Евгений Арбенин, готовя свой собственный суд невинной жене и предполагаемому обидчику, восклицает: «Закона я не призову, / Но сам, без слез и сожаленья, / Две наши жизни разорву!» (Лермонтов 1990, т. 2: 160–161); «В каком указе есть / Закон иль правило на ненависть и месть?» [там же: 203]. Арбенин определяет свои действия (на тот момент еще задуманные) как противозаконные, не соответствующие никаким нормам общественной жизни.

Литературоведы сходятся во мнении о консерватизме большинства героев И. А. Гончарова, предпочитающего новым и только нарождающимся веяниям традиционные и проверенные формы жизни. Гончаров утверждает идеи самодержавия, православия и народности, показывая, насколько опасны и разрушительны положения, придумываемые «новыми апостолами» – молодыми революционерами, подобными Марку Волохову, герою романа «Обрыв» (1869). Последний настолько вызывающе ведет себя, что Райский готов принять его за «провинциального фанфарона низшего разряда» (Гончаров 2004: 272). Гончаров в «Обрыве» мастерски показывает взаимное игнорирование закона не только нигилистом Волоховым, но и губернатором. «Если б я был мирный гражданин города, меня бы сейчас на съезжую посадили, а так как я вне закона, на особенном счету, то губернатор разузнал, как было дело, и посоветовал Нилу Андреичу умолчать, “чтоб до Петербурга никаких историй не доходило”: этого он, как огня, боится» (курсив наш. – В. А.) (там же: 271). Губернатор боится высшей власти – за лексемой «Петербург» скрывается образ царя. А Волохов открыто признается в своей оппозиционности к законам: речь идет, конечно, о попрании Марком многих важнейших моральных и нравственных заветов, касающихся семьи, отношения к женщине, личности. Не случайно в диалоге с Верой он утверждает «правило свободного размена», которое признает в виде закона и долга.

На первый взгляд, в романе «Обрыв» есть некоторые герои, которые ничего не решают в архитектонике произведения, к примеру Опенкин. Однако этот чиновник-пьяница, ушедший от священнического сана, признает множество своих грехов, старается видеть в людях доброе. Несмотря на часто не совсем трезвое состояние, Опенкин строго отдает себе отчет в собственных действиях. И в этом плане его ответ Татьяне Марковне являет полную противоположность заявлениям Волохова: «Ты только изреки – честный я или нет? Обманул я, уязвил, налгал, наклеветал, насплетничал на ближнего? изрыгал хулу, злобу? Николи! – гордо произнес он, стараясь выпрямиться. – *Нарушил ли присягу в верности царю и отечеству? производил поборы, извращал смысл закона, посягал на интерес казны?* Николи!» (курсив наш. – В. А.) (там же: 324). У Опенкина нет никакой возможности добраться до казны в силу положения, но герой прекрасно помнит Евангелие, его речь наполнена библейскими цитатами – Опенкин являет собою живое напоминание всем не только о законе государственном, но и о высшем христианском законе, которые для Гончарова, как сторонника монархии, неразрывно связаны.

По мере течения художественного времени в романе «Обрыв» Гончарова в России происходят всё большие перемены. После реформ Александра II в стране начинает складываться гражданское общество, для развития которого была необходима определенная экономическая основа. Гончаров точно, но умело и скрупулезно делает акценты на хозяйственных веяниях времени. Однако параллельно со всеми социально-экономическими преобразованиями Борис Райский отмечает нравственное оскудение людей, предпочитающих обходиться формальными условностями и не задумываться о глубинных сторонах жизни: «Все соглашаются, что общество существовать без этого не может, что гуманность, честность, справедливость – суть основные законы и частной, и общественной жизни, что “честность, честности, честностью” и т. д. “И всё ложь!” – говорил Райский. В большинстве нет даже и начина нравственного развития, не исключая иногда и высокоразвитые умы, а есть несколько захваченных, как будто на дороге в обрез денег – правил (а не принципов) и внешних приличий для руководства...» (там же: 734).

В реальной жизни свидетелем нравственной деградации, обозначенной Райским, стал А. Ф. Писемский, столкнувшийся с действиями бюрократии, процветающей на местах. В романах «Тысяча душ» (1858) и «Люди сороковых годов» (1869) на первый план выходит тема

предназначения человека и гражданина, службы своей стране и государю. Писемский – монархист, сторонник православной имперской власти, таким же является и его герой в романе «Тысяча душ», губернатор Калинович. Как представитель молодой администрации, Калинович большую симпатию испытывает к проведению беспристрастной идеи государства, он борется с коррупцией на местах, однако все благие начинания разбиваются о корыстные договоренности местного чиновничества. Павла Вихрова, героя романа «Люди сороковых годов», Писемский бросает в разные губернии, демонстрируя, как попирается идея политической службы. Но честные герои Писемского не отчаиваются, писатель приводит диалог больших чиновников, двух друзей Павла Вихрова, из которого становится ясна четкая монархическая позиция автора.

Абреев, долгое время бывший на посту губернатора, рассуждает о просвещенных и порядочных чиновниках, количество которых и определяет, по его мнению, законность и порядок. Но рассказывая о неудачах и подлом поведении помощника, Абреев приходит к одному из ключевых для всего романа, но крайнему выводу: «Я всю жизнь буду служить моему государю и ни одной минуты русскому обществу» (Писемский 1959, т. 5: 464). Писемский, как и его автобиографический герой Вихров, согласился бы только с первой частью этого суждения, о службе государю. Второй знакомый Вихрова, Плавин, всю жизнь служивший именно государю, но при этом привыкший проводить время роскошно и добившийся многого благодаря внешней правильности, считает, что важнейшая обязанность гражданина, а тем более чиновника – служение обществу, под которым понимает прежде всего народ.

Именно за народную правду всей душой болел Н. А. Некрасов, и было бы большим заблуждением считать поэта революционером или склонным к радикальным настроениям. Меткое поэтическое слово Некрасова направлено отнюдь не на императора, а на чиновников и дворян, озабоченных исключительно своим состоянием. Ю. В. Лебедев, рассуждая об отношении Некрасова к высшей власти, обращается к стихотворению «Притча» (1870), в котором царь, не поверив народным умельцам, допускает к строительству будущего страны уже известных вельмож-мошенников, скрывающихся под различными масками. Ни словом Некрасов не обвиняет царя, совершающего ошибку, но показывает, что в основе его заблуждения оказался коварный замысел эгоистов, боявшихся упустить хоть толику власти из своих рук. Корень допущения ошибки – в ослаблении веры:

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым... (Некрасов 1981–2000, т. 3: 68).

В рамках нашей темы важно обратить внимание еще на ряд показательных моментов. Во-первых, Некрасов говорит о бескорыстии царя, которое могут понять лишь люди из народа, но не вельможи, не осознающие ни величины замысла государя, ни великой его цели, во-вторых, император берет на себя всю ответственность за исход дел (как и должно быть): «Но царь изменить не хотел ничего: / “За всё я один отвечаю!..”»; в-третьих, Некрасов все-таки иллюстрирует человеческую слабость государя, утверждающего лживый указ под влиянием вельмож:

Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что «ум хорошо, а два лучше!» (там же: 69).

По мнению Некрасова, одна из главных бед высшей власти – максимальное удаление от простых людей. Народ любит и чтит своего императора, но слова и чаяния царя часто не доходят до народа: чиновники, должны быть связующими звеньями между государем и крестьянством, в подавляющем большинстве заняты собой. Обратим внимание, что в предположениях мужиков в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» о том, «кому живется весело, вольготно на Руси» есть и упоминание о царе (о нем в рефрене упоминает мужик Пров: «А Пров сказал: царю...»). Примечательно в свете вышесказанного, что до царя мужики упоминают еще чиновника и министра царского, а при обращении к Матрене Тимофеевне сомневаются, допустит ли их царь:

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?)... (Некрасов 1981–2000, т. 5: 128).

Безусловным сторонником имперской идеи выступал Ф. И. Тютчев, более 20 лет проводивший на дипломатической службе в Мюнхене и Турине, прекрасно изучивший европейскую действительность и противопоставлявший ей русскую жизнь. Основой России Тютчев считал православие, дух самоотвержения и милосердие русского народа, а отличительной особенностью настоящей империи называл возможность образования единого многонационального государства, организованного на христианской идее. В литературоведении многие годы стихотворение

Тютчева 14 декабря 1825 г. (1826) толковалось искаженно: верного сторонника монархии, поэта признавали видящим обратную сторону самодержавия – самовласть, якобы послужившее, согласно строкам стихотворения, развращающим фактором для декабристов. При такой трактовке получалась абсурдная ситуация, поскольку дорога для поэта имперская идея выступала фактором, способствующим развитию революционных настроений. Истинный смысл тютчевского стихотворения прояснил В. А. Воропаев, указав, что «самовласть» нужно трактовать иначе, как склонность властвовать, повелевать, властолюбие: «Тютчев пытается определить духовные причины революции. Ее идея заключается в “самовластии человеческого я”, возведенного в политическое и общественное право» [Воропаев 2004: 11]. То, что долгое время литературоведы толковали как самовласть в стихотворении Тютчева, современная юридическая наука именует *произволом* – понятием, противоположным законности. Разумеется, монархист Тютчев не мог писать о самовласть как о государственном произволе.

Удачный пример самовластья можно найти в последнем романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899). И речь в данном случае идет даже не о галерее чиновников и служащих, судейских, обличаемых Толстым потому, что они не исполняют честно порученное им государственное дело, а об образах некоторых политических заключенных, изображенных в третьей части романа. В советское время фигуры политических были оценены с точностью до наоборот. К. Н. Ломунов сглаживает «дифференцированную характеристику» политических (среди которых Толстой показывает очень разных людей) и представляет ее исключительно как положительную: «Это был очень важный момент в творческой истории произведения, свидетельствующий о том, что писатель придавал всё большее значение роли революционеров в развитии главной темы романа, и о том, что он все более пристально следил за их растущей ролью в жизни России» [Ломунов 1978: 285]. Конечно, образы Симонсона или Марьи Павловны Щетининой вызывают восхищение, однако Толстой сразу же показывает, что эти люди попали к политическим заключенным случайно, в силу своей жертвенной жизни и внимания к страдающим. Сущность идейных революционеров лучше всего передана Толстым на примере Новодорова, вся деятельность которого построена на тщеславии, желании властвовать (для максимальной реализации планов ему необходимо было свергнуть императора): «Деятельность его состояла в подготовке к восстанию, в котором он должен был захватить власть

и созвать собор. На соборе же должна была быть предложена составленная им программа. И он был вполне уверен, что программа эта исчерпывала все вопросы, и нельзя было не исполнить ее» (Толстой 1928–1958, т. 32: 401).

В письме к В. В. Стасову от 18 октября 1905 г. Толстой назвал самого себя «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа» (Толстой 1928–1958, т. 76: 45). Аристократ Толстой к концу XIX в. становится поистине народным заступником, его отношение к монархической форме правления противоречиво. В публицистике Толстой не осуждает конкретно монархию, но доходит до отвержения государственности, рассуждает о заблуждении императора, который не может быть до конца честным и порядочным, так как сама государственная власть вынуждает человека во власти жить по ее правилам: «Ведь еще можно было бы как-нибудь оправдывать подчинение целого народа нескольким людям, если бы эти властвующие люди, уже не говорю, были самые хорошие люди, а хоть только не худшие люди; если бы хоть изредка властвовали не лучшие, но порядочные люди; но ведь этого нет, никогда не было и не может быть» (Толстой 1928–1958, т. 36: 174).

Отвергая государство, Толстой предлагает единение людей на основе взаимной любви. В статье «Единое на потребу. О государственной власти» писатель отмечает, что улучшение жизни не может быть произведено внешними мерами, революционным путем или с помощью реформ, для изменения положения дел необходима духовная, самостоятельная работа каждой личности. Однако в отличие от Гончарова (и его героя Райского) Толстой не хотел понимать и принимать того, что немалому количеству людей эта духовная работа над собой была просто не свойственна, а при ее отсутствии необходима целенаправленная внутригосударственная деятельность.

При всех этих парадоксах публициста, в художественном творчестве Толстой остается верен монархии. Как и Некрасов, он демонстрирует, что нередко император заблуждался из-за оказываемых на него влияний, однако писатель иллюстрирует глубинную связь царя, образ которого неизменно связывается с мыслью о высшей правде, и православного народа. В рамках статьи не привести множества примеров, иллюстрирующих значение фигуры государя в художественных мирах Толстого – ограничимся лишь одним значимым фактом. Все мытарства Нехлюдова по обжалованию решения по делу Маслово в романе «Воскресение» оказываются бесполезны, Сенат оставляет решение суда без изменения, и справедливость восстанавливается только после подачи ходатайства на высочайшее

имя; причем за весь роман читатель впервые слышит о *снисхождении и проявлении милосердия* по делу Катюши именно в вышедшем помиловании: «...сим объявляется мещанке Екатерине Масловой, что Его Императорское Величество, по всеподданнейшему докладу ему, снисходя к просьбе Масловой, высочайше повелеть соизволил заменить ей каторжные работы поселением в местах не столь отдаленных Сибири» (Толстой 1928–1958, т. 32: 424–425).

История жизни и творчества русских классиков открывает примеры их личного удостоверения в милосердии российских императоров (и императриц). Толстой написал не одно письмо разным государям. Не раз он просил Николая II о помощи и милости в решении дел сектантов. В 1849 г. благодаря помилованию государем преступников, приговоренных к высшей мере наказания, выжил Ф. М. Достоевский. Последний справедливо отмечал, что идее европейского обособления, которая лежит на Западе в основе государственного устройства, в России противопоставлено соборное единение. Конечно, впервые о русской самобытности, о силе общины заговорили еще славянофилы, но в спорах середины века они часто не могли сохранить чувство меры. Не с образом крестьянской общины, но с единением во Христе, жизнью всем русским миром перекликаются и идея хорового государства, и идея государства-Церкви, о которой писал Достоевский. Как справедливо отмечает М. А. Домуховский, государство у Достоевского является «переходным этапом перед совершенным устройством общества, выполняя функции регулятора правомерного поведения людей и вектора перерождения общества, в идеальную конструкцию, базисом которой является душа свободного русского человека, а надстройкой – вера в бога и истинные нравственно-моральные постулаты» [Домуховский 2021: 6]. На примере Версилова в романе «Подросток» и ряда других героев Достоевский показал европейски ориентированное дворянство, готовое поверить в возможность разумного устройства мира без Бога. Идеал таких грезящих Европой дворян – довольное и спокойное общество потребителей.

За рамками статьи остались некоторые имена классиков, утверждавших несомненную ценность православной империи во главе со справедливым и милосердным монархом; в связи с ограниченным объемом работы мы постарались обратиться к наиболее показательным примерам. Подводя итоги, стоит отметить, что в нынешнем УК РФ закреплены и описаны принципы справедливости (ст. 6) и гуманизма (ст. 7), а вот принцип милосердия законодательно не закреплен. Некоторые исследователи предлагают

включить его «в систему базовых принципов уголовного права, наряду с уже включенными принципами законности и справедливости» [Беденков, Тыщенко 2020: 38]. Однако есть, наверное, глубинный смысл в существовании милосердия *над* государственными законами, который объясняли на примере жизни православной империи и русских императоров писатели XIX в.: принцип милосердия признается как основа для изменения негативных тенденций в современном судопроизводстве и праве, но он выше государственных законов, не случайно у Пушкина он обозначен Законом – с прописной буквы, а для его наиболее полного выражения Толстому понадобилось в финале «Воскресения» привести евангельские цитаты: «Тогда *государь* его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе *помиловать* товарища твоего, как я *помилвал* тебя?» (курсив наш. – В. А.) (Толстой 1928–1958, т. 32: 441).

Таким образом, мы постарались показать, что постепенно эволюционировавшее на протяжении всего XIX в. отношение русских писателей к власти не коснулось образа и фигуры императора. Если Гоголь не ставил под сомнение идею государственной службы, делая акцент на сложности ситуации, на «не тех людях», оказавшихся у власти, то Толстой показал, что за пятьдесят с небольшим лет, прошедших со времени выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями», в новых экономических условиях попорченной оказалась сама идея государственной службы, ставшая в руках приспособляющихся людей прикрытием для ужасных злодеяний, идущая вразрез с деятельностью императора. Безусловная вера в справедливость и духовную силу монарха была обусловлена в России православными основами и заветами: в нашей стране еще со времен древнерусской литературы устоялось недоверчивое отношение к закону без души и милосердия, к закону, не освященному волей человеческой, однако не той волей, которая тяготеет к самовластью, а святой волей, обуславливающей подчиненность Божественному началу. Ключевые представления русских классиков о православной империи оказались пророческими, направленными в будущее, которое, как считают многие современные юристы и политологи, немислимо для нашей страны без сильной централизованной власти: современная президентская республика отчасти доказывает этот факт.

Список источников

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 8. М.: АН СССР, 1952. С. 213–418.

Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 7. Обрыв: роман в 5 ч. СПб.: Наука, 2004. 771 с.

Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1990.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений в 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.

Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 9 т. Т. 4, 5. Люди сороковых годов. М.: Правда, 1959.

Пушкин А. С. Исторические заметки // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1878. С. 88–93.

Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Ин-т русской цивилизации. 2010. 624 с.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. 576 с.

Шевырев С. П. Дант и его век. Исследования о Божественной комедии // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. № 11. Май. С. 365–397.

Список литературы

Авдеев Д. А. Современная форма правления России // Конституционное право. 2016. № 6. С. 25–28.

Алексеев К. В. Правовые идеи в творчестве русских поэтов XIX в. А. С. Пушкина и Я. П. Полонского // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 10–17.

Андреева В. Г. Проблема власти в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 96–112. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00097>

Андреева Ю. А. Проблема государственности в контексте цивилизационного развития человеческого общества // Социум и власть. 2011. № 1(29). С. 80–83.

Беденков В. В., Тыщенко Г. В. К вопросу о реализации принципа милосердия в юридическом процессе // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 36–39.

Вальденберг В. Е. Комментарий к оде «Вольность» // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 126–133.

Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 34–103. doi: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103

Воропаев В. А. Что означает слово «самовластье» у Ф. И. Тютчева? // Русская речь. 2004. № 6. С. 6–12.

Домуховский М. А. Сущность и место государства в политических идеях Ф. М. Достоевского: анархия или национальная идея // Вестник Волжского университета им. В.Н. Та-

тищева. 2021. Т. 1. № 2(98). С. 5–10. doi: 10.51965/2076-7919_2021_1_2_5

Есаулов И. А. Категории закона и благодати в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 7–17.

Кибальник С. А. Поэтика политики в поэме Пушкина «Анджело» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 22–35. doi: 10.31857/S241377150003059-7

Лебедев Ю. В. Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 8–27. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27>

Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». История создания романа Л. Н. Толстого. Проблемы, образы, характеры. Первые отклики. Наши современники о романе. М.: Современник, 1978. 381 с.

Навальный С. В., Александрова К. И. Россия – президентская республика: конституционно-правовое исследование // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 1. С. 91–102. doi: 10.36718/2500-1825-2020-1-91-102

References

Avdeev D. A. Sovremennaya forma pravleniya Rossii [The modern form of government in Russia]. *Konstitutsionnoe pravo* [Constitutional Law], 2016, issue 6, pp. 25–28. (In Russ.)

Alekseev K. V. Pravovye idei v tvorchestve russkikh poetov XIX v. A. S. Pushkina i Ya. P. Polonskogo [Legal ideas in the works of Russian poets of the 19th century A. S. Pushkin and Ya. P. Polonsky]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2017, issue 3, pp. 10–17. (In Russ.)

Andreeva V. G. Problema vlasti v romane L. N. Tolstogo ‘Voskresenie’ [The problem of power in the Leo Tolstoy’s novel ‘Resurrection’]. *Novyy filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin], 2020, issue 4 (55), pp. 96–112. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00097>. (In Russ.)

Andreeva Yu. A. Problema gosudarstvennosti v kontekste tsivilizatsionnogo razvitiya chelovecheskogo obshchestva [The problem of statehood in the context of civilizational development of the human society]. *Sotsium i vlast’* [Society and Power], 2011, issue 1 (29), pp. 80–83. (In Russ.)

Bedenkov V. V., Tyshchenko G. V. K voprosu o realizatsii printsipa miloserdiya v yuridicheskom protsesse [On the question of the implementation of the principle of mercy in legal process]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2020, issue 9, pp. 36–39. (In Russ.)

Valdenberg V. E. Kommentariy k ode ‘Vol’nost’ [Commentary to the ode ‘Volnost’ (Liberty)]. *Vo-prosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2015, issue 6, pp. 126–133. (In Russ.)

Vinogradov I. A. ‘Kogda v tovarishchakh soglas’ya net...’ A. S. Pushkin, N. V. Gogol’, S. S. Uvarov [‘When there is no agreement between friends...’ A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov]. *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2019, vol. 1, issue 1, pp. 34–103. (In Russ.)

Voropaev V. A. Chto oznachayet slovo ‘samovlast’e’ u F. I. Tyutcheva? [What does F. I. Tyutchev mean by ‘autocracy’ in his works?]. *Russkaya rech’* [Russian Speech], 2004, issue 6, pp. 6–12. (In Russ.)

Domukhovskiy M. A. Sushchnost’ i mesto gosudarstva v politicheskikh ideyakh F. M. Dostoyevskogo: anarkhiya ili natsional’naya ideya [The essence and place of the state in F. M. Dostoevsky’s political ideas: Anarchy or the national idea]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev], 2021, vol. 1, issue 2(98), pp. 5–10. (In Russ.)

Esaulov I. A. Kategorii zakona i blagodati v khudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova [The categories of law and grace in Lermontov’s poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2014, issue 12, pp. 7–17. (In Russ.)

Kibal’nik S. A. Poetika politiki v poeme Pushkina ‘Andzhelo’ [Poetics of politics in Pushkin’s

poem ‘Angelo’]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, vol. 77, issue 6, pp. 22–35. doi: 10.31857/S241377150003059-7. (In Russ.)

Lebedev Yu. V. Ideal narodnoy monarkhii v russkoy literature vtoroy poloviny 19 — nachala 20 vv. [The ideal of the popular monarchy in Russian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2020, vol. 2, issue 2, pp. 8–27. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27>. (In Russ.)

Lomunov K. N. *Nad stranitsami ‘Voskreseniya’. Istoriya sozdaniya romana L. N. Tolstogo. Problemy, obrazy, kharaktery. Pervye otkliki. Nashi sovremenniki o romane* [Over the Pages of ‘Resurrection’. The History of the Creation of the Novel by L. N. Tolstoy. Issues, Images, Characters. First Responses. Our Contemporaries about the Novel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1978. 381 p. (In Russ.)

Naval’nyy S. V., Aleksandrova K. I. Rossiya – prezidentskaya respublika: konstitutsionno-pravovoe issledovanie [Russia – presidential republic: constitutional and legal research]. *Sotsial’no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Socio-Economic and Humanitarian Magazine of the Krasnoyarsk SAU], 2020, issue 1, pp. 91–102. doi: 10.36718/2500-1825-2020-1-91-102. (In Russ.)

Russian Classics about the Orthodox Empire as an Ideal Form of State Organization for Russia

Valeria G. Andreeva

Leading Researcher

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., 121069, Moscow, Russian Federation. lanfra87@mail.ru

SPIN-code: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Received 30 Jan 2022

Revised 14 Feb 2022

Accepted 10 Mar 2022

For citation

Andreeva V. G. Russkie klassiki o pravoslavnoy imperii kak ideal'noy dlya Rossii forme gosudarstvennogo ustroystva [Russian Classics about the Orthodox Empire as an Ideal Form of State Organization for Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 1, pp. 109–119. doi 10.17072/2073-6681-2022-1-109-119 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the views of Russian classics on the Orthodox empire, proves the deep understanding of the term ‘statehood’ by the writers and poets. Much attention is paid by the author of the article to the problem of the harmonious balance between law and mercy. In Russia the sovereign was treated not as a person who established rules and could violate justice, but as the highest judge on earth, who had the opportunity to act not according to the law but according to a special mercy. The paper provides the view of modern lawyers on the principle of mercy in Russian law. The absence of legislative enshrinement of this principle is regarded by the author of the article as the preservation in today's Russia of the proportions between the legal formalization of norms and the existing Orthodox covenants and holy traditions. The paper indicates an inaccurate understanding of the views of many writers on the figure of the emperor. Science has not completely refuted the myths about Pushkin as an opponent of autocracy and a supporter of democratic freedoms or Nekrasov as a revolutionary-minded poet, created in the Soviet era but still supported by some researchers. A comparison of Tolstoy's fiction works and his non-fiction writings shows the writer's ambivalent attitude toward the highest authority. However, Tolstoy condemns not the very organization of power structures, but rather the arbitrariness encouraged by people at the local level, who do not cope with their duties and welter in vice. In the literary worlds of Tolstoy, the idea of the only way to correct injustices committed at the state level is associated with the image of the emperor. Using a number of examples, the article proves that, with a deep vision of the problems of public life, faults and errors of officials at various levels, our classics realized the value of a single strong centralized power of the sovereign.

Key words: Russian classics; Orthodox empire; monarchy; autocracy; people; civic position; sovereign; mercy; law; power.